

«Проблема общности алтайских языков». — Л., изд-во «Наука», 1971. 404 стр.

Алтаистика, являющаяся составной частью сравнительно-исторического языкознания, имеет давние традиции. За последние сто пятьдесят лет был накоплен весьма значительный материал в области исторической фонетики, грамматики и лексикологии тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, который позволил сделать ряд далеко идущих выводов о генетическом родстве алтайских языков и соответственно — возможной реконструкции общеалтайского языкового состояния, о чем свидетельствуют появившиеся в последние десятилетия опыты построения сравнительной фонетики и морфологии алтайских языков. В этих работах безоговорочное признание нашла точка зрения, согласно которой общность алтайских языков объясняется их генетическим родством, т. е. их происхождением из общего источника. Так, Н. Поппе в своей монографии прямо указывал на то, что он «... не сомневается в том, что звуковые и морфологические соответствия между монгольской, тюркской и маньчжуро-тунгусской языковыми семьями не основываются ни на случайных совпадениях, ни на заимствовании, а являются свидетельством исконого родства»¹. В другом месте той же работы Н. Поппе подчеркивал: «Независимо от того, являются ли монгольские, тюркские и маньчжуро-тунгусские языки исконо родственными или нет, можно установить, что в данных языковых семьях представлены остаточные формы более древнего языкового состояния, которое обнаруживает не терпящие никаких исключений закономерные фонетические корреспонденции»².

Данное решение, однако, не является единственным в алтаистике. Как в прошлом веке, так и в настоящее время различные исследователи высказывали сомнения в возможности построения сравнительной грамматики алтайских языков и реконструкции общеалтайского языкового состояния. Так, совсем недавно А. М. Щербак со всей определенностью подчеркивал: «Существование урало-алтайской гипотезы и связанные с этим бесплодные поиски параллели явились большой помехой для углубленной разработки частных проблем и на много лет отвлекли крупные научные силы от создания сравнительных грамматик тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков»³.

Авторы рецензируемого сборника, в подавляющем большинстве не разделяя скепсиса А. М. Щербака и других противников алтайской теории, оптимистически смотрят на возможность построения сравнительной грамматики алтайских языков и ставят перед собой задачу на уровне современного состояния алтайского языкознания и в опоре на большой фактический материал внести свой вклад в разработку и решение вопроса о генетических связях алтайских языков. Предвосхищая все, что будет сказано ниже, подчеркнем, что с нашей точки зрения авторы рецензируемого сборника стоят на правильном пути и предлагают много интересных и плодотворных решений.

Следует прежде всего отметить, что коллектив авторов (в том числе и ответственный редактор сборника О. П. Суник) бесспорно правы, когда они не ограничиваются одним аспектом языка, а привлекают все уровни языковой системы: фонетику, грамматику, лексику. Как известно, до недавнего времени считалось (и это было специально обосновано представителями французской лингвистической школы), что лексика не может служить опорным пунктом при решении вопроса о языковом родстве. В настоящее время подобная постановка вопроса нуждается в пересмотре⁴, и в этом убеждают также работы рецензируемого сборника, где исследуется лексический материал.

В этой связи большой интерес представляет статья В. И. Цинциус «Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков» (стр. 77—89). Автор подчеркивает: «При всей тщательности сравнительно-фонетических выводов для большей уверенности в правильности устанавливаемого архетипа необходимы дополнительные доказательства семантического и морфологического порядка. Мы считаем, что в этом отношении нужные исходные данные нам может предоставить прежде всего анализ лексики по тематическим разрядам. Будучи осуществляем с помощью методов внешней и внутренней реконструкции, этот предварительный анализ позволяет выявить набор определенных семантических и морфологических моделей, которые в пределах данного тематического разряда носят, как нам представляется по материалам алтайских языков, в целом устойчивый характер. В свою очередь, те модели, которые были установлены таким путем, дают исследователю новые возможности для обнаружения словарных единиц общего происхождения» (стр. 80). Приводя в качестве иллюстрации к данному постулату конкретный лексический материал из алтайских языков, включая и

¹ N. P o p p e, Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Tl. I — Vergleichende Lautlehre, Wiesbaden, 1960, стр. 3—4.

² N. P o p p e, указ. соч., стр. 5.

³ А. М. Щ е р б а к, Содержание урало-алтайской гипотезы, ее обоснование и оценка, «Изв. АН АзербССР». Серия языкознания, литературы и искусства, 1968, 1, стр. 62—70.

⁴ См. об этом: Э. А. М а к а е в, Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики, М.—Л., 1964, стр. 20 и сл.

корейский язык, В. И. Цинциус приходит к важному и, как нам представляется, вполне оправданному выводу о том, что «... указанное несовпадение в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках не является свидетельством против генетического родства этих языков, так как даже в бесспорно родственных тунгусо-маньчжурских языках это название представлено тремя различными лексемами...» (стр. 82).

По сути дела, к противоположному выводу, хотя и также опираясь на лексику, приходит С. Е. Яхонтов в статье «Лексика как признак родства языков» (стр. 110—120). Выбирая для анализа небольшое количество лексем по признаку их важности/частотности⁵, учитывая наблюдение В. Котвича, согласно которому примерно 25% монгольских лексических элементов имеет тюркские соответствия (стр. 116), и используя метод глоттохронологии, С. Е. Яхонтов приходит к выводу: «... судя по характеру слов, общих для тюркских и монгольских языков, родства между ними скорее нет» (стр. 118). Далеко не все в этом построении представляется убедительным. Критерий важности/частотности является совершенно непригодным при определении генетического родства между языками на основе лексики. Ведь в каждом языке (и даже в различные периоды его истории) «более важные и менее важные слова», как выражается автор, распределяются настолько индивидуально, что это лишает возможности использовать данный (к тому же часто и весьма субъективный) критерий для определения степени родства между языками. То же замечание относится и к принципу частотности: ведь в каждом языке, древнем и современном, в различных функциональных стилях частотность таких лексем, как «ухо», «рот», «нос», «лицо», «дождь», «луна», «солнце», «ветер» и т. д. (примеры автора статьи), будет иной. Приведем пример: если бы для доказательства родства древнеиндоиранских и германских языков были использованы, с одной стороны, гимны Ригведы, а, с другой стороны — древнеисландские уложения, то частотность указанных лексем была бы поразительно различной. Кроме того, даже если слова высокой частотности одного языка по тем или иным причинам не представлены в другом языке, то и в этом случае мы можем говорить о родственных отношениях между этими языками при условии наличия корреспонденций в других уровнях языка. Ср. отсутствие многих общиндоевропейских лексем высокой ча-

стотности в греческом и в кельтских языках, что не препятствует, однако, их признанию языками родственными и относящимися к одной языковой семье, связанной родственными узлами. Не помогают и статистические выкладки: ни глоттохронология, ни вычисление общих двум языкам лексем в процентах⁶. Можно смело утверждать, что если исследователи алтайских языков при анализе лексики будут использовать методику, предложенную В. И. Цинциус (см. об этом выше), это позволит значительно увеличить количество лексических соответствий в тюркских и монгольских языках⁷. В. Котвичем определяемое в 25%.

В журнальной рецензии нет возможности подробно остановиться на методе глоттохронологии, но следует указать на то, что данный метод вообще непригоден для определения степени родства для различных языков или языковых семей⁸. Если использовать список М. Свадеша для сравнения армянского и английского языков, то мы придем к заведомо ложному выводу о том, что данные языки не являются родственными. Нельзя согласиться и с попыткой определить методом глоттохронологии время распада общезыкового состояния: алтайского, индоевропейского, семитского, финноугорского и т. д. Дело в том, что распадение общеалтайского, общиндоевропейского, общесемитского и т. д. всегда происходило ступенчато, в разных ареалах с различной хронологической глубиной и с различным темпом; так, распад индоевропейской языковой общности, вычленение и стабилизация отдельных ареалов охватывали по меньшей мере несколько тысячелетий, и поэтому не приходится говорить о некоторой точке отсчета для процесса распада общезыкового состояния, но именно это необходимо для глоттохронологии. В силу вышесказанного невозможно согласиться с выводами, к которым приходит С. Е. Яхонтов: «Таким образом, вычисляемое мето-

⁶ Столь же нерезультативным оказалось и другое исследование подобного типа, см.: Дж. К л о у с о н, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5.

⁷ Любопытства ради укажу на то, что количество индоевропейских соответствий, обнаруживаемых в словарном составе армянского языка, постоянно возрастает: так, Г. Хюбшман в 1883 г. насчитывал 299 соответствий, а в 1897 г. — 438; Р. Ачарян насчитывал в 1937 г. уже 743 соответствия и т. д. (см.: Э. М а к а е в, Армяно-индоевропейские лексические изоглоссы и ареальная лингвистика, «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», 20, 5—6, 1967, стр. 452).

⁸ См. об этом: Л. Л и г е т и, Алтайская теория и лексикостатистика, ВЯ, 1971, 3.

⁵ Ср. следующее положение автора: «Нам предстоит прежде всего выделить в этой лексической группе слова более важные и менее важные. ... Но все же, за неимением другого достаточно простого критерия, будем исходить из частотности» (стр. 113).

дом глоттохронологии время разделения общего алтайского языка (если предположить, что он существовал) трудно согласовать с особенностями фонетических соответствий, связывающих тюркские и монгольские языки. Это является еще одним косвенным доводом против предположения о родстве тюркских языков с монгольскими» (стр. 119).

Большой интерес представляют статьи сборника, где рассматриваются отдельные лексические группировки в различных алтайских языках (работы В. И. Цинциус, В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, Г. Е. Корнилова, Т. А. Бертагаева и др.). Материалы, собранные в этих работах, окажут неоценимую услугу при построении сравнительно-исторической лексикологии тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и алтайских языков в целом. Задачей ближайшего будущего должно явиться создание исторической лексикологии отдельных алтайских языков, этимологических словарей алтайских языков, сравнительной грамматики алтайских языков.

Центральной проблеме рецензируемого сборника — проблеме общности алтайских языков — посвящены работы О. П. Сунника «Проблема общности алтайских языков» (стр. 7—21), И. В. Кормушина «К методике сравнительного изучения алтайских языков» (стр. 22—30), Н. А. Сыромятникова «Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках» (стр. 51—64), Г. П. Мельникова «Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики» (стр. 65—76), Н. А. Баскакова «Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков» (стр. 315—321), И. В. Кормушина «Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков» (стр. 362—365). В этих работах поднимается ряд важных вопросов общеметодологического характера; остановимся на одном из этих вопросов.

В вышеуказанных статьях речь идет о языковом родстве, о генетическом родственных языках, о сравнительно-исторической характеристике алтайских языков, но в то же время отсутствует единая точка зрения на понятие языкового родства. Историческая общность алтайских языков может быть объяснена: 1) как следствие распада общеалтайского языка и образования отдельных ареалов алтайской языковой общности⁹; 2) как следствие типо-

логической конвергенции различных языков в результате языковых контактов и языковой интерференции¹⁰. Некоторые авторы сборника придерживаются первой точки зрения (например, С. Е. Яхонтов: «Поэтому ниже родство языков будет пониматься в том смысле, которое вкладывал в это понятие Б. Я. Владимирцов» — стр. 111). Другие авторы считают возможным сочетать обе точки зрения. Так, О. П. Сунник утверждает, что постулирование «праязыка» и допущение «языкового союза» при объяснении языковой общности вполне возможны, «причем одно из этих предположений не исключает, а только дополняет и уточняет другое» (стр. 10).

Мне представляется, что в определении нуждается прежде всего понятие алтайской языковой общности. В том случае, если между отдельными группами алтайских языков обнаруживаются общие черты, многие из которых либо могут быть объяснены заимствованиями из одного языка в другой или из общего источника, либо получают объяснение как следствие сходного развития в двух или нескольких языках, то тогда мы можем оперировать понятием конвергентного развития, могущего привести к формированию языкового союза. В том случае, если отдельные алтайские языки обнаруживают закономерные звуковые корреспонденции, позволяющие устанавливать тождество словоизменительных и деривационных морфем, мы должны говорить о генетическом родстве алтайских языков, и только оно одно обеспечивает возможность реконструкции алтайского праязыка.

О. П. Сунник бесспорно прав, полагая, что «конечная цель алтаистических исследований не сводится только к гипотетическому восстановлению той или иной системы праалтайских или протоалтайских элементов» (стр. 20). Но следует отметить, что для подавляющего большинства компаративистов сравнительно-исторический анализ определенной семьи языков никогда не сводился лишь к восстановлению его праязыка. В то же время построение сравнительной грамматики алтайских

ским языком» (Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 45).

¹⁰ Ср., например, высказывание В. Л. Котвича, признававшего возможность говорить «о существовании особой алтайской языковой семьи. ... Однако ее основу составляют не генетические связи, а типологическое сходство, которое объясняется тем, что тюркские, монгольские и тунгусские языки идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями» (В. Котвич, Исследование по алтайским языкам, М., 1962, стр. 351—352).

⁹ Ср., например, замечание Б. Я. Владимирцова: «Монгольский язык считается родственным тюркскому и тунгусскому потому, что эти три языка получились в результате различной эволюции одного языка, на котором когда-то говорили; монгольский язык вместе с тюркским и тунгусским имеют одного общего предка, которого условно можно называть алтай-

языков без реконструкции их исходного состояния, т. е. алтайского праязыка, просто невозможно. И наоборот: если возможно построение сравнительной грамматики алтайских языков, то это оказывается выполнимым лишь при наличии генетического родства алтайских языков и при реконструкции алтайского праязыка. Оперирование такими понятиями, как «типологическое сходство», «конвергентное языковое развитие» и «языковой союз», и исследования в этом направлении не приведут и не могут привести к созданию сравнительной грамматики алтайских языков¹¹.

В свете вышесказанного можно прийти к выводу, что одной из насущных задач алтаистики является углубленная характеристика общеалтайского языкового состояния на основе установления строгих звуковых корреспонденций. Их значение

¹¹ Подробнее об этом см.: Э. А. Макаев, О соотношении генетических и типологических критериев при установлении языкового родства, сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972.

на данном этапе развития алтайского языкознания трудно переоценить. В этой связи следует отметить, что в сборнике, специально посвященном общности алтайских языков, собственно фонетические проблемы освещаются лишь в двух статьях.

В заключение отметим, что в рецензируемом сборнике из всех аспектов языка наиболее интересно и глубоко была разработана лексикология; было бы желательно в дальнейшем выпустить в свет еще две книги: одну, посвященную морфологии, и другую, посвященную фонетике алтайских языков. Можно без преувеличения утверждать, что рецензируемая книга послужит хорошим стимулом для дальнейшей разработки алтайского языкознания. Данный труд — яркое доказательство того, что влечившая долгие годы жалкое существование алтайская гипотеза постепенно, но неуклонно превращается в строго научное и хорошо фундаментальное сравнительное алтайское языкознание.

Э. А. Макаев

O. Szemerényi. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft.—Darmstadt, «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1970. стр. XIV + 311.

О развитии науки можно судить и по учебникам; новое введение в индоевропейское языкознание, принадлежащее перу одного из крупнейших специалистов, показывает, как далеко ушла индоевропеистика в сравнении с тем уровнем, который отражен, например, в учебнике, написанном Крае¹: рецензируемая книга — введение в «высшую индоевропеистику», в то время как книга Крае могла бы сейчас квалифицироваться как введение в «элементарную индоевропеистику».

Чтение «Введения» О. Семереньи доставляет удовольствие. В нем, помимо внешней упорядоченности разделов и глав, есть внутренняя логика: оно начинается с анализа средневековой этимологии *deus dictus quod ei nihil desit...* и с сожаления о том, что в войске Александра Македонского не было лингвиста — и кончается высказыванием Куриловича о том, что при восстановлении праязыковых состояний следует ограничиваться лишь теми периодами, которые граничат с исторически реальными эпохами.

Книга состоит из девяти разделов. Первые три раздела (стр. 1—30) посвящены общим вопросам генетического родства языков и сравнительно-исторического метода, закономерностям исторического из-

менения языков, задачам индоевропейского языкознания, — в частности, вопросу о том, какие языковые единицы подлежат реконструкции. Здесь же можно указать на чрезвычайно полезную черту книги: после каждого параграфа следует рекомендательный список литературы, содержащий и новейшие работы. Нередко упоминаются последние работы советских ученых, приятно было встретить среди упоминаемых работы И. А. Перельмута и Т. Я. Елизаренковой, О. Н. Трубачева и Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова и др.

Следующий раздел — историческая фонетика (стр. 31—64). Здесь важно принятие трех рядов гуттуральных, специальное обсуждение монофонематичности лабиовелярных, реконструкция глухих придыхательных. Приводятся и соответствия, противоречащие наиболее распространенным, типа др.-инд. *hanu-* ~ др.-греч. *ἡνυς*, гот. *kinnus* или др.-инд. *hṛd-* ~ др.-греч. *καρδία*, литов. *širdis*².

² От последнего соответствия автор отказался в новой работе «The Indo-European name of the „heart“» («Donum balticum», Stockholm, 1970, стр. 515—533), принимая

контаминационное объяснение $\sqrt{\text{kerd-}} \times \sqrt{\text{gherd-}}$ (др.-греч. *χորδή* и т. п.).

¹ H. K r a h e, Indogermanische Sprachwissenschaft, I—II, Berlin, 1958—1959.